

РОЛЬ ПРОФЕССИИ ЭКОНОМИСТОВ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ НАЦЕЛЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ефимов В.М.

независимый исследователь,

ФРАНЦИЯ

Две экономические теории в значительной степени способствовали возникновению и протеканию в России XX в. двух национальных катастроф. В начале прошлого века это была марксистская политическая экономия, провозглашающая непримиримый антагонизм между трудом и капиталом, а в конце его это был неоклассический экономикс превозносящий рынок, который якобы решит все проблемы. Преподавание экономикс, как курса «экономической теории», и его продолжение в виде курса «новой институциональной экономической теории», наносит большой вред России, так как по существу с помощью этих курсов российской молодежи прививается идеология неолиберализма. В работе обсуждается альтернативный тип экономического образования и исследований, ориентированный на развитие социального государства.

Многие члены российской хозяйственной и политической элит являются по своему образованию экономистами и процесс формирования российских элит из людей, получивших высшее экономическое образование, продолжается. Исходя из этого ясно, что характер экономического образования в России не может не влиять на социально-экономические реальности страны. В своих предыдущих работах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7] я уже показал, что теоретическая составляющая существующего в настоящее время в России экономического образования не отвечает ее национальным интересам и не может положительно влиять на ее поступательное развитие. Это же относится и к исследовательским практикам экономистов. Если под наукой понимать действительные (а не выдуманные) исследовательские практики, принятые в естествознании, то в истории экономических учений можно обнаружить только несколько островков науки в море философии, идеологий и утопий. На протяжении всего XX в. преподаваемая в университетах экономическая дисциплина выполняла исключительно идеологическую функцию обоснования и поддержания существующего общественного порядка: в СССР - советского, на Западе - рыночного. После падения советского порядка, проекты западной помощи России были ориентированы на смену этого порядка на рыночный и на трансформацию экономического образования по западному образцу. Образец этот предполагает обучение не реальностям рыночной экономики, а рыночному видению социальной реальности, при котором все человеческие отношения представляются как отношения обмена и купли-продажи, а сам человек как корыстолюбивый и коварный.

Наверное Россия является страной, которая в XX веке пострадала от экономических учений как идеологий больше, чем какая бы ни было другая. В начале века, основываясь на марксовой теории эксплуатации и классовой борьбы, находящих свое обоснование в экономической теории прибавочной ценности/стоимости, большевики погрузили страну в хаос, чекистский террор по отношению к буржуазии и их «прихвостням» (интеллигенции), а также по отношению к крестьянам с их превращением в государственных крепостных. В

конце века, основываясь на неолиберальной идеологии, « научным » обоснованием которой является неоклассическая экономическая теория, « реформаторы » погрузили страну в хаос, разрушение экономического и научно-технического потенциала России, бандитский террор и ограбление страны горсткой приближенных к власти олигархов.

Английский экономист Джеффри Ходжсон в своей книге «Экономика (economics) и утопия» [8] определяет утопию как социально-экономическую реальность, которая с одной стороны не существует, но с другой стороны существование ее объявляется кем-то желательным [8, р. 4]. Так определяемое понятие утопии не сводится только к утопическому социализму, а может быть применено к любому проекту социально-политико-экономического устройства кем-либо предложенному. Всеохватывающий, саморегулирующийся, гармоничный рынок также является утопией, в разработку которой внесли вклад большое количество экономистов, и которую французский политолог Пьер Розанваллон назвал утопическим капитализмом [9]. Россияне на протяжении 70 лет испытывали на себе попытку реализации марксистской коммунистической утопии, а в течении уже почти 25 лет российская элита во многом следует в своей деятельности канонам утопического капитализма. Граждане России в своем большинстве разочаровались как в одной, так и в другой из этих утопий. Нужно признать, что российские университетские экономисты, работающие на кафедрах политической экономии, переименованных затем в кафедры экономической теории, специализируются на преподавании утопий. Я думаю, что относительная безболезненность перехода от преподавания марксистской политической экономии на неоклассический экономикс именно этим и объясняется: навык в преподавании утопий у преподавателей политической экономии уже был, а какую утопию преподавать – это уже второй вопрос.

Вышесказанное не означает вредности или бесполезности идеологий и утопий, и та и другая играют важные роли в функционировании и эволюции общества. По существу «любая система социального контроля покоится на определенной идеологической работе предназначенной легитимизировать ее притязания на власть» [10, р. 57]. Утопия является необходимым дополнением идеологии, «если идеология сохраняет и поддерживает реальность, утопия по существу ставит ее под сомнение. Утопия, в этом смысле, является выражением полного потенциала группы, которая рассматривает себя подавленной в рамках существующего порядка. Утопия это упражнение воображения думать иначе» и «ее функция всегда состоит в том, чтобы предложить альтернативное общество» [10, р. 61]. В настоящее время Россия все еще находится в состоянии поиска своих идеологии и утопии [11]. Важные мысли относительно продуктивного направления в этом поиске сформулировал еще в 1994 году В.А. Никонов. Прежде всего, он подвел итог имеющимся в прошлом национальным идеям: «Историческая Россия, если брать покрупному, знала три национальных идеи. Первая ... звучала [как] «Москва-Третий Рим». Вряд ли сейчас тезис о богоизбранности российского народа может сильно убедить и вдохновить многих. Вторая - «самодержавие, православие, народность» ... Современное звучание этой формулы также весьма непрактично и невдохновляюще ... российский народ не столько религиозен сколько суеверен, не говоря уже об атеистической прививке советского периода ... Наконец третья идея ... - коммунизм ... У коммунистического идеала по-прежнему немало сторонников, но вряд ли число их достаточно, чтобы эта концепция вновь стала общенациональной. Все три названные идеи в свое время прекрасно работали, действительно сплачивая нацию и подвигая людей на самопожертвование. Но для современности они, в основном,

мертвы». [12, с.37 - 38]. Далее В.А. Никонов пишет: «Убежден, российская национальная идея должна быть денационализированной. Это должна быть идея нации-государства, а не нации-этноса. Это должна быть идея Отечества с большой буквы, прокладывающего путь к обеспечению счастья и свободы всем россиянам» [12, с. 40]. Думаю, что идея социального государства, как она сформулирована в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ удовлетворяет этим требованиям: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Хорошо известно, что экономисты внесли большой вклад в развитие и наукообразное представление идеологий либерализма *laissez-faire* и коммунизма. Значительно меньше известно, что с конца XIX в. и до середины XX в. параллельно с либеральными и коммунистическими направлениями экономической мысли существовали очень влиятельные в своих странах консервативные экономические учения и исследовательские практики, ориентированные на развитие в своих странах социальных государств, как альтернатив капитализму *laissez-faire* и коммунизму. Как отмечает А.Н. Кочеткова, впервые концепция социального государства оформилась в трудах немецких ученых XIX в.: «Известно, что консерватизм возник как реакция на Великую французскую революцию 1789 г. и подготовившие ее идеи Просвещения. Дальнейшее развитие консервативной мысли подпитывалось революционными событиями 1848 г. и развивающейся революционной идеологией. Исходным пунктом консервативной философии всегда была установка на недопустимость революционных перемен, угрожавших основам существующего строя ... Однако, отвергая революционные перемены, немецкие консерваторы не были против изменений как таковых. Поэтому чем острее и очевиднее была опасность революции, чем активнее проявляла себя либеральная и социалистическая мысль, тем решительнее росла готовность политических деятелей консервативного толка к социальному реформаторству «сверху». В целенаправленных реформах, осуществляемых государством, они видели единственную альтернативу кровавой и разрушительной революции по французскому типу. Эти идеи в сфере идеологии и практической политики нашли свое теоретическое воплощение прежде всего в трудах немецкого философа, историка, экономиста Лоренца фон Штейна (1815–1890). Именно ему принадлежит научный приоритет в разработке первой теоретической концепции социального государства, содержащей новаторские для своего времени взгляды о возможностях и средствах государственной политики» [13, с. 69-70]. Отвергнутая как либеральным, так и марксистским направлениями экономической мысли, немецкая историко-этическая школа Густава Шмоллера, которая практически отсутствует в современных учебниках по истории экономической мысли, взяла для себя в качестве отправной точки концепцию социального государства Лоренца Штейна¹.

Развиваемая Лоренцом Штейном идея улучшения жизни народа основывалась на том, что это улучшение должно обеспечить государство. Он считал что

---

¹ Многие книги Лоренца Штейна еще во второй половине XIX в. были переведены на русский язык. Важнейшей среди них была книга *Stein L. Geschichte der socialen Bewegungen in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. In 3 Bde. - Leipzig: Verlag von Otto Wigand, 1850 (Перевод *Штейн, Л. фон*. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872). Терминология перевода этой книги не всегда соответствует современной русской научной терминологии. Имеются также значительно более поздние современные переводы: французский перевод введения к первой части книги - *Stein L. Le concept de société*. – Grenoble : ELLUG, Université Stendhal, 2002 и английский перевод всей книги - *Stein L. The History of the Social Movement in France, 1789-1850*. New York : Bedminster Press, 1964.

«строительство нового социального здания государства, затрагивающее все устои его жизни, продолжительный и постоянный, самообновляющийся и созидательный процесс. Он требует участия в нем членов всего общества и самого государства. В этом действии они должны слиться в единый поток общих интересов, видя перед собой общую цель» [14, с. 60]. Концепция социального государства Штейна не была компромиссом между либерализмом и социализмом, а указывала на некий «третий путь» «между крайностями либерального индивидуализма и опасностями революционного социализма, делая главный упор на устранение противоречий за счет усилий государства с целью сохранения самого общества» [15, с. 55]. Так понимаемое государство должно переориентироваться [16, с. 101] от служения сословно-классовым интересам на «обеспечение условий развития нового гражданского общества и человеческого потенциала», «при этом, конечно, не следует идеализировать ситуацию и доводить её до пропаганды антагонизма к классу предпринимателей. В условиях рыночной экономики *ориентация государства на интересы каждого отдельного гражданина не отменяет его обязанностей по защите интересов предпринимателей*. Более того, обеспечение политической свободы и социальной мобильности представителей всех классов было в интересах буржуазии, которой нужны были свободные, производственно мотивированные трудовые ресурсы. В конечном счёте, и в настоящее время предпринимателям нужен активный работник — свободный и независимый член гражданского общества. В этой связи ориентация государства на защиту интересов предпринимателей *не противоречит* его ориентации на защиту интересов каждого индивида как члена гражданского общества. Именно по этой причине возникновение и развитие социального государства – это не акты альтруизма, а достижение своеобразного классового компромисса на базе капиталистического способа производства » [17, с. 221].

Для того, чтобы способствовать наибольшему развитию и самореализации каждой личности, социальное государство, по мнению А.Н. Кочетковой, должно выполнять следующие три функции:

« – *ограничительная функция*, которая проявляется по отношению к господствующим классам и с помощью которой решаются такие задачи, как ограничение монополизации, регламентация трудовых отношений, регулирование экономики, концентрация средств на социальные программы и нужды;
– *обеспечительная функция*, решающая задачи социального страхования, социального обеспечения, предоставления возможностей для получения образования и медицинского обслуживания;
– *гарантирующая функция*. Давая гарантии и закрепляя их на конституционном уровне в виде системы прав человека и гражданина, государство, по сути, становится должником человека, предоставляя ему право не просто получать помощь от государства, а получать ее гарантированно » [13, с. 78].

Близкая к такому пониманию социального государства находится и концепция современного французского экономиста К. Рамо. Кроме такой традиционной функции социального государства, как социальная защита (*la protection sociale*), он считает, что социальное государство должно заниматься регулированием трудовых отношений (*la réglementation des rapports de travail*), оказывать гражданам всевозможные услуги (*les services publics*) и разрабатывать и проводить экономическую политику поддержки различного вида деятельности и занятости (*les politiques économiques de soutien à l'activité et à l'emploi*) [18].

Густав Шмоллер и его историко-этическая школа отказались как от концепции естественных экономических законов, оправдывающей жалостное положение

рабочих, так и от идеи непримиримого антагонизма между работодателями и их наемными работниками. Я позволю себе привести здесь длинную цитату из работы Густава Шмоллера, под названием «Справедливость в народном хозяйстве»²: «Старая смитовская политическая экономия ... находила свой идеал справедливости исключительно в свободе договоров. Исходя из представления, что по природе все люди равны, она требовала для этих равных людей только свободы и надеялась, что в таком случае будут заключаться договоры относительно одинаковых для обеих сторон ценностей с одинаковыми выгодами. Она не знала ни общественных классов, ни значения общественных институтов для народно-хозяйственной жизни. Социальная динамика слагается по ее взгляду, исключительно из деятельности отдельных личностей, отдельных договоров этих личностей. Поэтому она и не могла требовать никакой иной справедливости. То, чего она требовала, не было само по себе ложно, но оно было только частью справедливости. Мы требуем теперь, рядом со справедливым меновым оборотом, прежде всего *справедливых народнохозяйственных институтов, то есть мы требуем определенной совокупности нравственных и юридических правил, которые управляли бы группами совместно работающих и совместно живущих людей* (выделено мною. В.Е.) в некоторых сторонах их деятельности, — требуем того, чтобы *результаты их деятельности стояли в согласии с теми идеальными представлениями о справедливости, которые в настоящее время являются у нас господствующими на основании наших религиозных и нравственных представлений или должны достигнуть господства в будущем* (выделено мною. В.Е.). Мы не признаем того, что эти институты являются постоянными в истории и необходимы для всех будущих времен. По отношению к каждому из них мы производим исследование его результатов, спрашиваем, каким образом оно возникло, какие представления о справедливости его породили и в какой степени необходимо оно в настоящее время» [19, с. 53 – 54]. Итак, вместо естественных законов – институты, а вместо либо сохранения статус-кво, либо революционного свержения капитализма, улучшение жизни людей видится Шмоллером в переходе к справедливым народнохозяйственным институтам, которые создаются и поддерживаются государством, и которые не ликвидируют, а реформируют частную собственность и наемный труд.

По мнению Шмоллера, классическая политическая экономия (с ее неоклассическим продолжением) и марксистская политическая экономия, обе, как и философия XVIII и первой половины XIX веков, переоценивали возможности абстрактного познания, пытаясь «вывести из абстрактной человеческой природы полную объективную систему действующей экономики», причем сделать это «одним прыжком, без подробного изучения действительности, без опоры на психологию, без предварительного полного изучения права и экономической истории». Обе, как он считал, являются ни чем иным как идеологиями [20, s. 191-192]. Участие экономистов в реформах в рамках новой парадигмы экономической науки, которой следовала школа Шмоллера, предполагало детальное изучение негативных проявлений капитализма и разработку законодательных мер нацеленных на их устранение. Шмоллер считал, что социалистическое учение раскрывает нам глаза на ложность справедливости основанной на свободе контрактов, но, как он был также уверен, что это учение никогда не сможет направить нас на борьбу за истинную справедливость [19, с. 50]. За сто лет до Дугласа Норта, Шмоллер обратил внимание на явление, которое получило название «зависимости от пройденного

---

² Schmoller G. Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft. 1881.

пути» (*path dependence*). История, говорил он, учит нас, что прогресс совершается по большей части медленно, «институты никогда не могут быть уничтожены до основания, что народы никогда не могут создать что-нибудь совершенно нового и должны всегда опираться в своем творчестве на существующее, и что в этой в общем совершенно правильной непрерывности лежит порука за то, что борьба за добро и правду не является делом бесплодным, что, несомненно, имело-бы место в том случае, если бы всякое поколение начинало борьбу сызнова, не будучи одарено в качестве наследства мудростью и справедливостью, заложенными в старых институтах» [19, с. 54 – 55]. По существу принятие всерьез концепции «зависимости от пройденного пути» неизбежно превращает ее адепта в консерватора.

Именно немецкая историко-этическая школа возглавляемая Шмоллером и стала одним из вышеупомянутых островков экономической дисциплины как науки. Для реформаторской деятельности нужны как доктрины, которые дают ей направление, так и детальные знания о существующих социальных практиках с тем, чтобы оценить реальность доктрин и, что не менее важно, осуществлять реалистичные изменения существующих социальных практик. Сами эти изменения осуществляются не учеными, а политиками и актерами вовлеченными в реформируемые практики, а ученые поставляют политикам и другим актерам доктрины и знания о реальности. Многие негативные, а нередко просто катастрофические, последствия деятельности профессии экономистов были вызваны тем, что они ограничивались снабжением политиков только доктринами, но никак не надежными знаниями о реальности, которая подлежит реформированию. Пионерский вклад школы Шмоллера как раз и состоит в том, что они дали пример того, как профессия экономистов может способствовать реформам, принося политикам детальные знания о реформируемой реальности.

Долгосрочная эффективность какой-либо реформы зависит от трех факторов: от доктрины, которая положена в ее основу; от качества знания о реформируемой реальности; и последнее, но далеко не последнее по важности, от характера политического процесса реформирования³. Будучи вовлеченными, в основном, в развитие абстрактных экономических теорий, поддерживающих ту или иную доктрину, экономисты не знают экономической реальности. Хорошо известно высказывание одного из последних руководителей СССР Ю.В. Андропова: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся». А не изучили потому, что и не изучали, так как руководство страны такой задачи перед экономистами и другими обществоведами и не ставило. В СССР экономисты занимались в основном интерпретацией произведений классиков марксизма-ленинизма, а также решений партии и правительства. Ну а в 90-е годы они перешли на изучение и интерпретацию западной экономики и ее насаждение как доктрины в России. Как и в СССР, постсоветские российские руководители не озадачивают экономистов детальным изучением реальности. Очень интересно в этом отношении свидетельство В.Л. Глазычева относительно его беседы с одним из высокопоставленных российских чиновников: «Мы говорили: «Страну неплохо бы знать». А нам говорили: «Да не надо ее знать совершенно»» [24]. Подход Шмоллера был противоположен и состоит в том, что для того чтобы знать «как надо», нужно знать «как оно есть», но проблема состоит в том, что узнать «как оно есть» требует *очень большой работы* по сбору информации и ее анализу и *нужно быть очень мотивированным социально*, чтобы ее качественно сделать.

---

³ В работах [21; 22; 23] я показал как все эти три фактора повлияли на долгосрочную социальную неэффективность аграрных реформ проводимых в России начиная с середины XIX века.

Сейчас в России экономисты сильно влияют на политический дискурс, поставляя через курсы «экономической теории» и «институциональной экономики» очень вредные концептуальные заготовки для политического дискурса. Нужно кардинально изменить эти курсы так, чтобы взамен своекорыстия экономического человека, рассмотрения социальных отношений исключительно через призму обмена, общества и сообществ как фикцию, государства как бандита и оппортунистического поведения как нормы, как это представлено в [25], они давали бы студентам совершенно другие образы социально-экономических взаимодействий. Для того, чтобы профессия экономистов в России могла бы способствовать продвижению страны к социальному государству экономистам нужно перестать пропагандировать и развивать социально вредные доктрины, чем сейчас активно занимается профессия, а начать изучать действительность на основе адекватной методологии [1; 2], и обеспечить информационное обслуживание демократического процесса принятия государственных решений.

Литература

[1] *Ефимов В. М.* Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопросы экономики. № 8. 2007. С. 49–67.

[2] *Ефимов В. М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть I. Иная методология экономической науки // Экономическая социология. № 3. Т. 12. 2011. С. 15–53.

[3] *Ефимов В. М.* Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. Часть II. Иная история и современность // Вопросы регулирования экономики. № 3. Т. 2, 2011. С. 8 – 91.

[4] *Ефимов В.М.* Предисловие к статье Ф. Майровского «Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economicus. № 1. Т.10. 2012. С. 89 – 99.

[5] *Ефимов В.М.* Какая экономическая наука нужна России? // 2012. <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/216084> (проверено 12 марта 2015 г.)

[6] *Ефимов В. М.* От машин удовольствия к моральным сообществам (Размышления над новой книгой Джеффри Ходжсона) // Журнал институциональных исследований. №. 2. Т.5. 2013. С. 7 - 47.

[7] *Ефимов В.М.* Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 2. Т. 14. 2014. С. 5 – 52.

[8] *Hodgson G. M.* Economics and Utopia. Why the learning economy is not the end of history. London and New York : Routledge, 1999

[9] *Розанваллон П.* Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение, 2007

- [10] Ricœur P. L'idéologie et l'utopie : deux expressions de l'imaginaire social // *Autres Temps. Les cahiers du christianisme social*. N°2. 1984. P. 53-64.
- [11] Мартыянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Издательство «Весь мир», 2010.
- [12] Никонов В. А. Эпоха перемен. Россия 90-х глазами консерватора. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- [13] Кочеткова А.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. № 3. 2008. С.69 – 79.
- [14] Эйдуkene Д.Д. Социальный реализм Лоренца фон Штейна // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Серия: Гуманитарные науки (философия и культурология). № 7 (58). 2006. С. 58 – 60.
- [15] Кочеткова А.Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- [16] Кочеткова А.Н. Философский дискурс о социальном государстве. - М.: ИНФРА-М, 2012.
- [17] Докторович А.Б. Рецензия на книгу Кочетковой Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве - М.: ИНФРА-М, 2012. // *Пространство и Время*. № 4 (10). 2012. С. 220 – 222.
- [18] Rataux Ch. L'Etat social. – Paris: Fayard/Mille et une nuits, 2012.
- [19] Шмоллер Г. Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. - М.: Либроком, 2012.
- [20] Schmoller G. *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. - Marburg: Metropolis-Verlag, 1998.
- [21] Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. - Paris: l'Harmattan, 2003.
- [22] Ефимов В. М. Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России*. № 1. 2009. С.74–116.
- [23] Ефимов В. М. Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // *Вопросы регулирования экономики*. № 3. 2010. С. 8–91.
- [24] Глазычев В.Л. Глубинная Россия наших дней. Лекция на полит.ру. 2004. <http://polit.ru/article/2004/09/21/glaz/> (проверено 12 марта 2015).
- [25] Аузан А. Институциональная экономика для чайников. М.: Фэшн Пресс, 2011.